

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

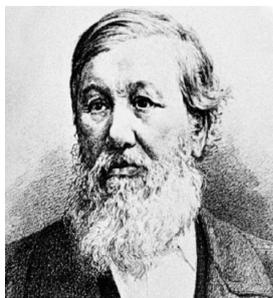
Николай Данилевский и Фридрих
Ницше

Тотальные системы интерпретации миропорядка, предложенные Гегелем и Марксом, являлись своего рода синтезом как постулатов Просвещения, так и романтической мысли. От Просвещения Гегелем и Марксом были заимствованы понимание истории как единого для всего человечества процесса. Романтизм научил философов истории мыслить органическими, а не механическими категориями, а также воспринимать каждую из стадий становления как необходимую. Гегель и Маркс, отдавая дань эмоциональным установкам романтизма, видели в борьбе стержень и двигатель истории. Вместе с этим в их системах, в особенности в марксистском диалектическом материализме угадываются контуры и следующего за романтизмом философского направления – позитивизма. Маркс и Энгельс не случайно обозначили свой социализм «научным» (в отличие от предшествующего «утопического социализма»). Тем самым они подчеркнули приверженность доктрины принципам научного метода.

В историографии второй половины XIX века появляются системы, ставящие под сомнение принципы романтической историографии, а именно – идею единства исторического процесса, веру в прогресс и убежденность в том, что именно погружением в историю человечество (или европейцы) смогут найти понимание настоящего момента. Неудивительным, возможно, является тот факт, что первые симптомы интеллектуальной реакции появились на периферии Европы, в славянофильских кругах русской интеллигенции.

Здесь в 1869 году была опубликована работа, вызвавшая массу противоречивых отзывов, «Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому».

Ее автор Николай Данилевский был разносторонним человеком: учился на ботаника, участвовал в ранних социалистических кружках, за что подвергся краткосрочному аресту. После, уже работая в канцелярии самарской губернии, Данилевский проявил себя в качестве талантливого этнографа и географа. Опыт естествоиспытателя, безусловно оказал значительное влияние на его исторические концепции, проявившись в идее «культурных исторических типов», развивавшихся по сценарию, напоминающему жизненный процесс организмов.

Данилевский, предвосхитивший своей работой труды Освальда Шпенглера и Арнольда Тойнби, начинает с утверждения об иллюзорности понятия «общечеловеческой цивилизации». Следовательно, ни о каком едином процессе, ни о каком прогрессе речи не могло идти. Вместо этого автор предлагает концепцию отдельных цивилизаций, так называемых «культурно-исторических типов», каждый из которых является своеобразной исторической монадой со своими религиозными воззрениями, формами политической и социальной жизни, представлениями о времени, пространстве и научном знании. Как и разным «экосистемам», историческим типам были присущи характерные черты, проявившиеся в особенностях языка.

Данилевский выделяет десять обособленных цивилизаций: египетскую, китайскую, ассирийско-вавилонско-финикийскую, индийскую, иранскую, еврейскую, греческую, римскую, новосемитическую (аравийскую) и германо-романскую (европейскую). К ним автор предлагает добавить мексикано-перуанскую, но последняя, по его мнению, погибла, не успев пройти полный цикл развития.

Все культурно-исторические типы – отдельные цивилизации – подобно организмам, проходят путь развития от рождения к возмужанию, дряхлению и гибели. При этом некоторые цивилизации могли развиваться обособленно от других (как это было в случае с китайской и индийской цивилизациями), или «преемственно», оставляя результаты своей деятельности последующим цивилизациям. Это касалось в первую очередь европейских типов – греческого, римского и германо-романского. Последний, пользуясь плодами предшествующих культур, быстро развился и приобрел гегемоническое положение в мире. С другой стороны, и ему суждено было погибнуть, оставив место еще совсем юным, по мнению Данилевского, славянским народам.

Данилевский предполагал, как и в природном мире, жизнь цивилизаций подчинена определенным законам развития. Необходимым элементом развития являлось обретение тем или иным культурно-историческим типом политической независимости. Цивилизации достигали наибольшей жизнеспособности в случае, если из них образовывались не одно, а несколько государств. Их период жизни был относительно короток.

Из историософской теории Данилевского вытекают следующие важные выводы. Автор подвергал сомнению состоятельность периодического трехчлена, деление на древнее время, средневековье и новое

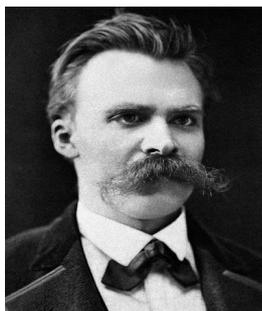
время. Эта периодизация базировалась лишь на европейском опыте, поэтому являлась бесполезной условностью. Китай и Индия не вписывались в эту схему, так как развивались совершенно обособленно от Европы. Автор указывает на отсутствие каких-либо критериев прогресса, что могли бы быть использованы в построении иерархии цивилизаций. Каждая культура развивалась по-своему и далеко не одновременно с другими.

Книга Данилевского является одной из первых работ, подвергших критике принцип евроцентризма – идею о том, что Европа является моделью исторического развития и основным субъектом мировой истории. Его труд, безусловно, имеет серьезную идеологическую подоплеку. В его понимании между Европой и Россией – непреодолимая пропасть, обусловленная уже тем, что именно России, как молодому носителю еще неоформившегося славянского культурного типа предстояло прийти на смену романо-германскому миру. Поэтому ошибочным было стремление части интеллигенции и российских государственных деятелей перенять европейские нормы и опыт. У России собственный путь и свои исторические задачи.

Главенствующей задачей на текущий момент, следуя Данилевскому, было освобождение и объединение всех славян под скипетром Российского самодержца. Данилевский призывал к созданию славянской конфедерации с центром в Царьграде – Константинополе.

Таким образом, наряду с глубокими мыслями и важной критикой евроцентристских установок, труд Данилевского представлял обоснования российской экспансии на Балканах и Черном море.

Возможно, именно поэтому его работа не получила должного отклика за пределами Европы, где она воспринималась как пропагандистский трактат идеолога Панславизма.

Младшим современником Николая Данилевского был выдающийся немецкий философ Фридрих Ницше. Ницше родился в Саксонии, в семье лютеранского пастора. Рано он обнаружил интерес к древней истории, в первую очередь греческой, ставшей, наряду с музыкой, одной из главных страстей его жизни. В 24 года Ницше был приглашен в Базельский университет в качестве профессора классической филологии. Болезнь, однако, вскоре вынудила его оставить преподавание. С тех пор поддерживаемый годовой пенсией, выплачиваемой университетом, Ницше жил жизнью скитающегося отшельника.

Его первый значительный труд «Рождение Трагедии» появился, когда Ницше было 27 лет.

За ним стали выходить другие работы философа – эссе «Несвоевременные мысли» и «Веселая наука», написанная в форме эпической притчи «Так говорил Заратустра», афористические «По ту сторону добра и зла». К 1888 году состояние Ницше резко ухудшилось, но именно в этот, последний год сознательной жизни Ницше пишет наиболее радикальные по характеру книги – «Сумерки идолов», «Ессе Номо» и «Антихрист». В начале следующего, 1889 года, с Ницше случился удар, приведший к помутнению рассудка. Фактически с этого момента до своей смерти Ницше не мог ни двигаться, ни говорить. Смерть философа наступила в 1900 году.

Ницше считал себя «несвоевременным», «посмертным» человеком. При сознательной жизни его идеи не получили признания. Большую часть своих работ Ницше приходилось публиковать на собственные финансовые средства. Однако, уже с 1900-х годов Ницше превращается в культовую фигуру. Его идеи, однако, трактуются однобоко, часто как обоснование насилия и «созидательной функции» войны. Станным и одновременно закономерным стал факт превращения Ницше – бескомпромиссного критика немецкого национализма – в едва ли не главного официального философа нацистской Германии.

К более нюансированному прочтению Ницше общество оказалось готовым лишь с окончанием Второй мировой войны.

Сложно назвать Ницше систематическим мыслителем, подобным Платону, Декарту или Гегелю. Систематическим можно назвать ту неприязнь, что он испытывал к современной ему эпохе – к буржуазному лицемерию, к необоснованному самомнению, к стадному инстинкту национализма (в первую очередь германского национализма), к идее прогресса и к христианской религии. Ницше считал, что современный человек находится в заложниках у метафизических концепций, из которых наиболее пагубной он считал концепцию Бога. Именно она не позволяла выйти воли к власти человека на поверхность. Обращенная внутрь, она создала больное существо, существо, наделенное огромной силой науки и техники, но неспособное к принятию себя, своей творческой автономии и жизни как таковой, а не той, что «обещана после».

Знаменитый тезис о смерти Бога должен был послужить сигналом к преодолению противящейся жизни, противоестественной христианской морали, к преодолению самого человека. Вместо него должен прийти «Сверхчеловек», личность, которая бы смотрела в лицо лишенному божественного смысла космосу, готовая взять на себя ответственность по созданию смысла и новых ценностей. Сверхчеловек – это и есть новый бог, но бог жизнеутверждающий и принимающий собственную фатальность. Ницше философствует с молотом, разбивая вдребезги моральные устои больного XIX века, освобождая территорию для пришествия Сверхчеловека.

Ницше уделяет истории огромное внимание, но делает он это совершенно по-своему, не беспокоясь о «достоверности фактов» в позитивистском их прочтении. В эссе «О пользе и вреде истории для жизни» Ницше подвергает критике современную ему одержимость историей. Общество трактует историю в качестве «наставницы жизни», в то время как сама жизнь должна быть наставницей истории.

Ницше делит истории на три вида: монументальную, антикварную и критическую. Монументальная история ищет в прошлом примеры выдающихся поступков для научения людей и вдохновения их к действию. Этот вид истории, соединяя дидактику с этикой, может принести немало бед, соблазняя людей кажущейся легкостью подвигов.

Антикварная история принадлежала, по словам Ницше, тому, кто охраняет и почитает прошлое. Антиквары считают любую деталь прошлой жизни, любой артефакт прошлого ценным уже потому, что они относятся к прошлому. Такая история делает фетиш из традиции, препятствуя нововведениям. Антикварная история постепенно теряет связь с самой жизнью, превращаясь в накопление разрозненных бесполезных фактов.

Критическая история давала возможность человеку настоящего судить прошлое, «чтобы иметь возможность жить дальше.» Критическая оценка прошлого разрушала спасительные иллюзии, с утратой которых человеческая жизнь теряла смысл.

Ницше считает, что настоящее понимание истории приносит больше вреда, чем пользы. «Насыщение историей» рождало ощущение собственной ничтожности, старости, неспособности к творчеству. Вера в историю, присущая романтическому и постромантическому поколениям, означает утрату веры в себя. Лишь сильные личности могут вынести ее; слабые же, по утверждению философа, полностью подавляются историей.

Ницше критикует позитивистские воззрения, указывая на иллюзорность «объективной истории». Историк должен быть подобен художнику, активно создающему произведение искусства. Результат его исследования не есть воссоздание истории таковой, каковой она «в действительности являлась», но написание художественно правдивого изображения. Он проводит сосредоточенную работу драматурга, сплетая разрозненные факты в единое целое, вкладывая вещи в некое единство планов, даже если его раньше не было.

Идеи Ницше, критикующие исторический позитивизм, сыграли большую роль в формировании новых историографических школ. Значительным была и роль введенного Ницше генеалогического метода исследования интеллектуально-духовных установок общества. В полной мере потенциал, скрытый, как в критическом, так и в конструктивном измерениях исторического восприятия, проявил себя в работах второй половины XX века.

Об этом, однако, пойдет разговор в последних лекциях курса.

В следующей нашей лекции мы поговорим о мировоззрении, ставшим доминантным в научной среде второй половины XIX века, о позитивизме.